

ЕВГЕНИЙ
КЛЮЕВ

СЕРДЧЕЧКО,
ВЫРЕЗАННОЕ
ИЗ КАРТОНА
СКАЗКИ

ХУДОЖНИК
МАРИНА
ПАВЛИКОВСКАЯ

ЕВГЕНИЙ КЛЮЕВ

Сердечко, вырезанное из картона

«Самокат»

2020

Клюев Е. В.

Сердечко, вырезанное из картона / Е. В. Клюев — «Самокат»,
2020

ISBN 978-5-00167-180-0

Героев клюевских сказок нетрудно найти в повседневной жизни, стоит лишь пройтись по квартире или выглянуть в окно: вот на скамейке сидит Бумажная Птичка, обиженная на ураган, мимо пролетает Рассеянный Воздушный Поцелуй, на кухне тяжело вздыхает Лавровый Лист, полностью разочаровавшийся в жизни. А рядом стоит мудрая Кофейная Мельничка, которая просит нас не торопиться и почаще вспоминать о чудесном слове – «вре-мя-пре-про-во-жде-ние»! Ну а что же Простой Карандаш? Он всё это запишет, и однажды листочки с историями разлетятся по всему свету и, может быть, попадут вам в руки. В новый сборник Евгения Клюева вошла 31 абсурдная, весёлая и мудрая сказка с иллюстрациями Марины Павликовской.

ISBN 978-5-00167-180-0

© Клюев Е. В., 2020

© Самокат, 2020

Содержание

Сказки Простого Карандаша	8
Сердечко, Вырезанное из Картона	12
Дирижёрская Палочка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Клюев

Сердечко, Вырезанное из Картона

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Клюев Е., текст, 2020

© Павликовская М., иллюстрации, обложка, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2021

* * *

Евгений Клюев – один из самых ярких писателей современной русской литературы, поэт, филолог, лауреат престижных литературных премий, кавалер Ордена Почётного Додо, признанный эксперт в литературе абсурда, автор нового – и самого близкого к оригинальному тексту – перевода «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла. Его сказки входят в школьную программу, их играют на большой и малой сцене в разных странах, на разных языках.

* * *

Сказки Простого Карандаша

– Странный Вы... – так всегда говорил Простому Карандашу Ночник. Ночник – это светильник, который ночью светит, профессия у него такая. – ...странный Вы! Да. Зачем Вы пишете сказки?

– Чтобы они были, – отвечал Простой Карандаш, не отрываясь от бумаги: он как раз сейчас заканчивал новую сказку о Прекрасной Принцессе.

– И что же будет, когда Вы напишете эту сказку?

– Будет сказка, – улыбался Простой Карандаш. – Ещё одна сказка.

– Понятно. И Вашу сказку опять положат в стол и запрут там на ключ!

Простой Карандаш останавливался и вздыхал. Ночник говорил правду. Сказки Простого Карандаша всегда клали в стол и запирали на ключ. От этого было очень грустно. Всякому станет грустно, если его сказки запрут на ключ.

– Может быть, – допытывался Ночник, – Вы пишете плохие сказки? Иначе их не запирали бы на ключ, а?

– Может быть, и плохие, – покорно повторял за Ночником Простой Карандаш, чтобы снова и снова не спорить с ним.

Сам-то он знал, что пишет хорошие сказки. Его сказки были простые, а простая сказка – это и значит хорошая. Только сказки всё равно попадали в стол и пропадали в столе. Стол был огромным, и ящик в нём был огромным – как пропасть.

Простой Карандаш писал, а Ночник светил.

«Странный он! – думал Простой Карандаш о Ночнике. – Спрашивает, зачем я пишу сказки, которые запирают на ключ. А сам-то он зачем светит по ночам, когда все спят? Странный он. Да...»

Но Простой Карандаш, понятное дело, никогда не произносил этого вслух.

Ему, конечно же, очень хотелось заглянуть в стол – не тесно ли там его сказкам. Он забыл уже, сколько их: он давно сбился со счёта. Всех теперь, пожалуй, и не вспомнить: самая первая появилась тогда, когда Простой Карандаш был ещё совсем большим. Ведь у карандашей всё не как у людей: люди рождаются маленькими – потом вырастают большими. Карандаши же, наоборот, рождаются большими, а потом становятся маленькими – и в этом их старость. Чем чаще карандаш затачивают, тем он старше.

Наш Простой Карандаш был пока не очень маленьким, но уже и не очень большим. Вот только в последнее время он как-то быстро стал уменьшаться: наверное, потому, что теперь, записывая сказки, всё сильнее волновался – ну и ломался от этого. Его, разумеется, сразу опять затачивали... в общем, Простой Карандаш старился на глазах.

А в стол Простой Карандаш, значит, не пускали. К утру его обычно ставили в специальный стаканчик, где жили цветные родственники Простого Карандаша. Они очень гордились своей нескончаемой юностью и громадным своим ростом.

– Ты неудачник, – говорили цветные карандаши Простому. – Корпишь над какой-то ерундой, которую всё равно никто не читает! Брал бы пример с нас: мы не размениваемся на пустяки. Мы разрешаем пользоваться собой только тогда, когда надо подчеркнуть какую-нибудь особенно важную мысль.

Простой Карандаш устало кивал в ответ, но, едва лишь наступала ночь, опять исчезал из стаканчика – нестись по ослепительному листу бумаги за всё время убежавшей принцессой. Такова уж была его судьба, да оно и понятно: простые сказки удобнее всего писать простым карандашом.

Однажды ночью Ночник щёлкнул и перестал светить.

– Хватит! – сказал он в сердцах. – Мне надоело. Я не хочу больше тратить на Вас свет. Всё равно от Ваших сказок никакого проку.

И Простой Карандаш начал писать при свете Луны. Луне ведь света ни для кого не жалко. Тем более что, освещая стол, Луна нет-нет да и бросала взгляд на сказки. А как-то призналась:

– Ты хорошо пишешь. Я люблю твоих принцев и принцесс. Мне от них ещё грустнее на свете.

До сих пор Простому Карандашу никогда не говорили ничего подобного. Ведь сказок его никто не читал: они лежали в столе, а стол был заперт на ключ!

Простой Карандаш вздрогнул – и от растерянности даже упал на пол. Его пришлось заточивать – причём не один раз, а два, потому что он сломался ещё и внутри. Но мы-то с вами знаем: когда у нас что-то ломается внутри, наши сказки становятся лучше. Так произошло и сейчас: новая сказка о Прекрасной Принцессе оказалась само совершенство – всё в ней было не так, как в жизни... а ведь для сказки это самое главное!

Настал день, когда Простой Карандаш заточили в последний раз.

Увы, теперь его осталось только на одну сказку, причём совсем коротенькую. И тогда Простой Карандаш написал Сказку о Вечной Жизни. А наутро его выбросили в мусорное ведро.

Цветные родственники Простого Карандаша вспоминали о нём с нежностью, но без грусти. Они все ещё были молодыми и полными сил, потому что никогда не разменивались на пустяки и разрешали пользоваться собой только тогда, когда надо было подчеркнуть особенно важную мысль. А особенно важные мысли, как известно, приходят редко.

Тем бы и закончилась наша простая история о Простом Карандаше, если бы однажды кто-то не забыл задвинуть ящик письменного стола. И тогда – через щёлочку – сказки Простого Карандаша, словно птицы, выпорхнули наружу и разлетелись по всему свету. Люди прочли их и полюбили. Простой Карандаш, правда, уже не узнал об этом. Но мы-то с вами знаем, что сказки не запереть на ключ.

Сердечко, Вырезанное из Картона

Когда Сердечко вырезали из картона, оно страшно обрадовалось: одно дело быть нарисованным и совсем другое – вырезанным! Хотя, конечно, послушать некоторых нарисованных – так они чуть ли не живее всех живых... только это враньё: в лучшем случае эти нарисованные – как живые, то есть очень похожи на живых. Однако быть живым и быть похожим на живого

совершенно не одно и то же! Живой куда хочет, туда и идёт, а похожий на живого остаётся там, где оставили.

Но, значит, если тебя вырезали, ты уж точно живой и можешь отправляться куда хочешь. Ты теперь сам по себе, а картон, из которого ты вырезан, – сам по себе: между вами больше нет ничего общего. Вас даже обратно уже не соединить!

Вот Сердечко-Вырезанное-из-Картона и собралось отправиться... только куда?

Легко сказать – иди куда хочешь... А если ты во все стороны света хочешь? Потому что у Сердечка-Вырезанного-из-Картона было именно так: оно как раз и хотело во все стороны света!

– Я хочу во все стороны света, потому что я всех люблю! – сказала Сердечко-Вырезанное-из-Картона. И собралось было идти, но почему-то затопталось на месте.

– Интересно как получается... – озадачилось оно, а Одна Собака взяла да и объяснила всё следующим образом:

– Вы оттого в замешательстве, что всех любить нельзя, – объяснила эта Одна Собака. – Любить можно только своего хозяина.

Сердечко-Вырезанное-из-Картона задумалось.

– А если у меня нет хозяина?

– Так не бывает, – засмеялась Одна Собака. – Хозяин есть у каждого. Если его, конечно, не потеряли... Вы, может быть, потеряли хозяина?

– Если бы у меня был хозяин, – сказала Сердечко-Вырезанное-из-Картона, – я бы его ни за что не потеряло!

Но Одна Собака возразила:

– Ох, не зарекайтесь! Это с каждым может случиться. Даже я, которая очень любит своего хозяина, однажды потеряла его. И стала сама не своя!

– А чья? – поинтересовалось Сердечко-Вырезанное-из-Картона.

– Ничья! – с ужасом ответила Одна Собака. – И, уверяю Вас, страшнее ничего не придумаешь. Потому что... когда ты ничья, у тебя никого на целом свете нет. И ты скитаешься где придётся – без дома, без поводка, без еды...

– По-моему, это не так страшно, как Вы говорите, – подумав, сказала Сердечко-Вырезанное-из-Картона. – Дома у меня, вроде, никогда не было, поводок мне не нужен, а еда... я не голодно.

– Тогда Вы странная какая-то собака, – был ответ. – У всех собак, которых я знаю, а я знаю весьма много собак, есть дом. И поводок им нужен. И голодны они всегда.

Тут Сердечко-Вырезанное-из-Картона расхохоталось:

– Дело в том, дорогая Одна Собака, что я не собака! Я Сердечко-Вырезанное-из-Картона.

– До свиданья! – попрощалась Одна Собака.

– Я чем-то обидело Вас? – опешило Сердечко-Вырезанное-из-Картона.

– Нет, что Вы! – ответила Одна Собака. – Просто пора идти на место. Хозяин только что сказал мне: «Место!»

И Одна Собака пошла на место, а Сердечко-Вырезанное-из-Картона осталось где было, подумав: «Нет уж, пусть у меня лучше не будет хозяина, если хозяин может сказать „Место!“ –

и надо сразу идти... Хотя, конечно, так оно удобнее: сказали тебе „Место!“ – и ты немедленно понимаешь, в каком направлении двигаться. А тут стоишь... с ноги на ногу переминаешься – и совершенно непонятно, куда теперь».

– Я люблю всех! – опять сказала оно и опять хотело отправиться в путь, но у него опять почему-то не вышло.

– И не выйдет! – заверила его одна птичка, пролетавшая мимо. – Потому что всех любить нельзя. Можно любить только своего мужа.

– У меня нет мужа, – призналось Сердечко-Вырезанное-из-Картона.

– Так не бывает! – сказала Одна Птичка. – Муж есть у всех. Разумеется, кроме тех, кто потерял мужа. Вы, может быть, потеряли мужа? Тогда это другое дело.

Сердечку-Вырезанному-из-Картона показалось, что эту беседу оно уже с кем-то вело, но оно ответило:

– Если бы у меня был муж, я никогда бы его не потеряло!

– Это не всегда от Вас зависит, – поделилась опытом Одна Птичка. – Даже я, которая очень любит своего мужа, однажды оказалась в такой ситуации, когда мой муж хотел улететь... км, к другой птичке. И я тогда стала сама не своя!

– Как собака? – спросило Сердечко-Вырезанное-из-Картона.

– Почему – «как собака»? – возмутилась Одна Птичка. – Совсем не как собака! Что это Вы какие странные вещи говорите, право... Но, доложу я Вам, жизнь моя мне тогда хуже собачьей казалась! Я ведь, видите ли, на яйцах сидела, а когда на яйцах сидишь, без мужа никак нельзя!

Сердечко-Вырезанное-из-Картона хорошенько подумало, чтобы опять ненароком не задеть Одну Птичку, и в конце концов сказала:

– Я, признаюсь Вам, никогда не сидела на яйцах...

– Все птички, которых я знаю, а я знаю ужасно много птичек, время от времени сидят на яйцах! Может быть, Вы тогда не птичка никакая?

– Конечно не птичка! – улыбнулось Сердечко-Вырезанное-из-Картона. – Я Сердечко-Вырезанное-из-Картона...

Впрочем, его уже не слышали. Птичкин муж, в данный момент сидевший на яйцах вместо жены, потребовал откуда-то сверху, чтобы она немедленно возвращалась на яйца, угрожая, что иначе он улетит к другой птичке.

«Ну вот... – принялось размышлять Сердечко-Вырезанное-из-Картона. – Заведи себе мужа, а он возьмёт и улетит к другой птичке! Нет уж, пусть у меня лучше пока не будет мужа... Хотя, между нами говоря, это, конечно, удобно: велел тебе муж назад лететь – ты и летишь назад, не задумываясь! А в моём положении... ну просто совсем не знаешь, куда направиться».

Оно опять осторожно осмотрелось по сторонам и тихонько, чтобы ни одна собака и ни одна птичка его не услышала, сказало:

– Я хочу во все стороны света, потому что я всех люблю!

И – решительно сделало шаг вперёд: в направлении всех сторон света.

Тут-то все стороны света и открыли Сердечку-Вырезанному-из-Картона свои объятия, и оно пошло во все стороны света, и любило все стороны света, и все стороны света отвечали ему полной взаимностью!

Потому что никто не обязан быть собакой, и никто не обязан быть птичкой. И потому что места в мире всем достаточно – в том числе и сердечкам, вырезанным из картона.

Дирижёрская Палочка

Дирижёр так сильно дирижировал оркестром, что в какой-то момент даже дирижёрская палочка надломилась.

– Это потому, – сказали знатоки, – что симфония очень бурная. Когда её исполняют, всегда что-нибудь случается: или барабан треснет, или у скрипки струна лопнет, или тромбон надорвётся! Неудивительно, что дирижёрская палочка надломилась.

Ну, неудивительно так неудивительно – им, знатокам, виднее.

А Дирижёрская Палочка, конечно, совсем сникла: все надломленные обычно сникают – кто раньше, кто позднее.

– Концерт окончен, – сказала она.

Правда, знатоки не поняли, почему Дирижёрская Палочка так сказала: у дирижёра, ясное дело, была с собой запасная. Он её тут же взял в руку и до-ди-ри-жи-ро-вал симфонией. И, хотя играл оркестр не сказать чтобы стройно, все громко хлопали. Однако сам дирижёр был грустный и даже кланяться не вышел: очень он любил свою старую Дирижёрскую Палочку. За кулисами говорили даже, что видели слёзы у него на глазах – но это, конечно, могло быть и просто сплетней: за кулисами посплетничать любят.

Когда публика покинула зал, Первая Скрипка, которая одна отважилась нарушить молчание, тихонько спросила:

– Проводить Вас, дорогая Дирижёрская Палочка?

– Куда? – усмехнулась та. – Разве только в музей: это, кажется, единственное место, куда имеет смысл отправиться. Если повезёт, меня могут положить под стекло и написать на какой-нибудь табличке: «Дирижёрская Палочка выдающегося дирижёра такого-то... Надломлена тогда-то и тогда-то».

– Вас склеят, не отчаивайтесь, – с отчаянием произнесла Виолончель и вздохнула так глубоко, как только виолончели умеют. – Говорят, современные клеи невероятно качественные: для них нет ничего невозможного. И будете опять как новенькая – летать всем нам на радость, вот увидите! В конце концов, Вы ведь просто надломлены, а не сломаны: это всё-таки разные вещи...

– Вы правы, разные, – вежливо согласилась Дирижёрская Палочка.

А про себя подумала: «Разные-то они разные, только вот непонятно, что хуже! С теми, кто сломан, всё, по крайней мере, ясно: их сразу выбрасывают. Надломленных же сначала начинают жалеть, жалеют долго-предолго – и лишь потом выбрасывают... а это, пожалуй, гораздо мучительнее!»

И точно: оркестровые инструменты изо всех сил принялись жалеть Дирижёрскую Палочку. Перебивая друг друга и всхлипывая, они рассказывали ей – будто сама она могла это забыть! – как славно она летала над ними. Как точно умела, не прерывая полёта, объяснить, что кому делать. Как иногда взмывала настолько высоко, что им страшно было лететь за ней – и многие даже впадали в сомнение, стбит ли. Но всё кончалось хорошо, всё всегда кончалось хорошо – и не было случая, чтобы она забыла показать им верный путь обратно, домой...

А уже через некоторое время весь оркестр рыдал. Рыдали струнные – тихо и жалобно, рыдали духовые – зычно и натужно, рыдали ударные – громко и беспорядочно. Что касается одной Маленькой Плоской Тарелочки, то она начала так дрожать и звенеть... просто сердце кровью обливалось. И ничего тут не попишешь: Дирижёрскую Палочку инструменты и в самом деле преданно любили! Они даже представить себе не могли, что теперь будут делать без неё. В оркестр, конечно, назначат новую какую-нибудь дирижёрскую палочку – и, вне всякого сомнения, самую лучшую: это очень знаменитый оркестр. Но им-то не нужна самая лучшая – им нужна эта!

Весь оркестр рыдал, а Дирижёрская Палочка крепилась. «Вот незадача! – думала она почти с досадой. – Мне, которая больше других нуждается сейчас в утешении, предстоит, видимо, утешать это безутешное собрание. Что-то они совсем голову потеряли».

Она с участием взглянула на Маленькую Плоскую Тарелочку: та, привыкшая ловить любой знак Дирижёрской Палочки, мгновенно перестала дрожать и звенеть и всем своим существом обратилась в слух.

– Не убивайтесь так, моя хорошая! – Дирижёрская Палочка даже нашла в себе немножко сил, чтобы улыбнуться. – Жизнь ведь на этом не кончается, а Музыка не кончается и подавно... правда?

В ответ Маленькая Плоская Тарелочка, едва справляясь с собой, тонюсенько прозвенела:

– Вы... Вы просто не представляете себе, сколько для нас всех значите! И какое это горе – лишиться Вас.

Тут она снова потеряла самообладание и залилась таким горестным звоном, что остальные инструменты зарыдали с утроенной силой. Казалось, ничто уже не может остановить их – Дирижёрская Палочка начала всерьёз опасаться за последствия. И не напрасно: справа от неё раздался еле слышный взрыв – там у одной из дальних скрипачек лопнула струна. Рыдавшие, конечно, не обратили на это внимания, но Дирижёрская Палочка ещё как обратила: она привыкла следить за всем, что происходит в оркестре, а уж такой-то беды и совсем не могла пропустить.

– Внимание! – услышали вдруг инструменты и как по команде прекратили рыдать. – Я хочу напомнить вам всем, – продолжала Дирижёрская Палочка, – что я надломилась, но пока не умерла. Так что не нужно оплакивать меня: я ведь до поры до времени с вами... хоть и надломленная!

– Мы тоже все, между прочим, надломлены, – сказал Контрабас, который никогда ещё не произносил ни одного слова не из партитуры.

– Что ж мне теперь с вами делать-то... – озадачилась Дирижёрская Палочка и даже забыла, что она надломлена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.